

УДК 947.084.8

ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ НКВД В ПОВОЛЖЬЕ В УСЛОВИЯХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

© 2014 А.В. Захарченко

Поволжский филиал Института российской истории РАН, г. Самара

Поступила в редакцию 28.09.2014

В статье анализируются изменения, происходившие в годы Великой Отечественной войны в лагерях НКВД на территории Поволжья. Особое внимание уделено осуществлению трудовой политики в лагерях в связи с сокращением рабочей силы.

Ключевые слова: НКВД, Поволжье, Великая Отечественная война, заключенные, трудовые ресурсы.

В годы войны лагерно-производственный комплекс НКВД в Поволжье был представлен несколькими структурами. Самая крупная из них – Безымянский ИТЛ, обслуживающий строительство авиазаводов под Куйбышевом. Кроме него несколькими лагерными управлениями в Татарской АССР, Саратовской и Сталинградской областях (Сталинградский ИТЛ, Нижневолжский ИТЛ, Саратовский ИТЛ, Приволжский ИТЛ, Волжский ИТЛ), которые подчинялись Главному управлению железнодорожного строительства и были задействованы на строительстве Волжской магистрали. На сегодняшний день мы не располагаем достаточным количеством источников по железнодорожным лагерям в Поволжье. Информация о численности, составе, физическом состоянии заключённых пока недоступна в полной мере, поскольку фонды соответствующих строений до сих пор находятся на ведомственном хранении. Вместе с тем доступность сведений по Безымянскому ИТЛ в фонде Особстроя и отдельных документов по Приволжскому и Волжскому ИТЛ позволяет исследовать сюжеты, связанные с трудовыми ресурсами НКВД, вполне типичные для остальных лагерей в период войны, которые имели региональную специфику.

На современном этапе изучения темы ГУЛАГа в годы войны исследователями переработан значительный массив информации о трудовых ресурсах лагерной экономики НКВД¹. Благодаря усилиям историков и публицистов, активно изучавших и публиковавших ранее закрытые документы лагерной статистики, а также бывших узников, оставивших воспоминания, можно говорить о том, что военное время стало самой трагичной страницей в истории ГУЛАГа. Необходимый в военных условиях комплекс мобилизационных мер в стране существенным образом

изменил баланс рабочей силы в местах заключения. Усилившаяся эксплуатация подневольного труда потянула за собой стремительно прогрессирующее истощение обитателей ГУЛАГа. Совокупность ведомственных документов дает основание утверждать, что руководство НКВД не имело возможностей содержать такое количество заключённых на грани голодного истощения и при этом сохранять высокий уровень трудового напряжения. Разумеется, военные лишения обрушились на всё население страны, но специфика лагерной системы с её режимными условиями, полной зависимостью от воли начальства, традиционным произволом как лагерного персонала, так и уголовного мира в совокупности с общим сокращением продовольственного, вещевого, медицинского снабжения усиливали в ГУЛАГе разрушительный эффект социальной катастрофы, переживаемой страной. Сухой язык ведомственной отчетности от лагерных управлений до главков и центрального аппарата НКВД беспристрастно камуфлировал понятие «катастрофа» терминами «ухудшение качества рабочей силы», «сокращение трудового фонда», «снижение «физического профиля» контингента. Согласно информационным справкам отдела учёта и распределения заключённых (ОУРЗ ГУЛАГа), со второй половины 1941 г. трудовые ресурсы НКВД неуклонно сокращались. Если в октябре 1941 г. количество неработающих узников составляло 16,3% к общей численности, то в ноябре – 21,4%, в декабре – 26,3%, а в январе 1942 г. – 29,9%². Наряду с этим снижалась и общая численность осуждённых в местах заключения. Если на 1 января 1941 г. в лагерях и колониях насчитывалось 1929729 узников, то через год эта цифра снизилась до 1777043 человек, а к 1 января 1945 г. упала до 1460677 человек³.

Масштабы изменений в экономической деятельности лагерей и численности их обитателей в Поволжье имели определенную специфику. Так, темпы сокращения капиталовложений, ос-

*Захарченко Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.
E-mail: zav.dpn2010@yandex.ru*

ваиваемых лагерями в Поволжье, были выше, чем в целом по НКВД. Например, с 1941 г. по 1943 г. объемы капиталовложений уменьшились по всему наркомату на 55%, по Особстрою на 94%⁴. Численность заключённых за этот же период сократилась по лагерям НКВД на 35% (по данным на 1.01.41 и 1.01.43), по Безымянлагу – на 82%⁵. Более существенное сокращение численности населения лагерей по сравнению с уменьшением капиталовложений влекло за собой усиление трудового принуждения: увеличивались продолжительность рабочего дня и нормы выработки при одновременном снижении продуктового пайка. С 1941 г. по 1944 г. по лагерям и колониям НКВД СССР норма на один отработанный человеко-день возросла с 9,5 руб. до 21 руб.⁶

Динамика изменения численности трудовых ресурсов в НКВД была обусловлена хозяйственными задачами. В период расширения производственной программы на промышленных, добывающих, строительных предприятиях и в организациях наркомата, как и до войны, происходило наращивание рабочей силы, численность которой могла компенсировать недостаточно высокую производительность труда. В первой половине 1941 г. численность заключённых в Безымянлаге стремительно увеличивалась. Если в марте 1941 г. среднесписочное количество заключённых составляло 52,5 тыс. человек, то к августу оно увеличилось до 94,4 тыс., не считая вольнонаёмных строителей и инженеров (95,9 % плановой потребности)⁷.

В Сталинградском ИТЛ в течение апреля-мая 1942 г. в период развертывания строительства на участке Волжской магистрали Саратов-Сталинград численность заключённых увеличилась более чем в 5 раз – с 1,3 до 7,1 тыс. человек⁸. В среднем на объектах магистрали в течение 1942 г. трудилось 51490 человек (заключённых, мобилизованных в рабочие батальоны «трудармейцев» и колхозников), или 95,2% от того количества, что было запланировано⁹. Однако это среднегодовые показатели, не отражавшие полной картины за отдельные периоды, реконструировать которую достаточно сложно по причине отсутствия необходимых сведений даже в ведомственных архивах.

Приведенные в известном справочнике «Система исправительно-трудовых лагерей» данные лагерной статистики не в полной мере характеризуют те трудовые ресурсы, которыми располагал НКВД на строительстве Волжской магистрали. Авторы справочника смогли представить общую динамику всех контингентов, закрепленных за Приволжлагом в октябре 1942 – июне 1944 г., из которой видно, что за период с 1 октября 1942 г. (то есть после завершения основ-

ных работ по ветке Саратов-Сталинград) численность Приволжлага неуклонно сокращалась (1 октября 1942 г. – 33520 чел., 1 января 1943 г. – 27402 чел., 1 января 1944 г. – 8873 чел.)¹⁰. Последующее незначительное увеличение численности было кратковременным, после чего лагерь расформировали. Однако специфика железнодорожных лагерей состояла в наличии и такой категории работников, как трудармейцы (мобилизованные немцы), которые учитывались в общей группе «контингента»¹¹. В Волжском ИТЛ после завершения строительства участка Свияжск-Ульяновск Волжской магистрали в составе Приволжского ИТЛ заключённые составляли лишь небольшую группу работников, никогда не достигая штатной численности в 15 тыс. человек.

По мере завершения очередного участка трассы заключённых и руководящий лагерный персонал отправляли на другие объекты НКВД¹². В течение первого полугодия 1943 г. в другие лагеря из Волжлага были направлены 13455 рабочих и 251 человек административно-технического состава. С 1 июля 1942 г. по 1 января 1944 г. контингент заключённых Волжского ИТЛ сократился более чем в 10 раз – с 5342 до 519 чел., что в первую очередь было обусловлено завершением работ по Волжской магистрали¹³.

Соотношение различных групп работников, использовавшихся в ЛПК НКВД в Поволжском регионе (заключённые, вольнонаёмные, мобилизованные из числа местных жителей, немцы-трудармейцы, бойцы рабочих батальонов, переданных из НКО), зависело от конкретного лагеря. Первоначально среди работников железнодорожных лагерей (Саратовского и Сталинградского ИТЛ) в первое время заключённые были наиболее многочисленной группой. На строительство дороги их свозили помимо Саратовской области со всей страны, в том числе с Северного Кавказа и Закавказья. Согласно справке о наличии рабочей силы на 2 июля 1942 г., на строительство линии Саратов-Сталинград прибыло 16211 заключённых. Кроме того, администрация лагеря распорядилась контингентом мобилизованных рабочих строительных батальонов (4994 человека), вольнонаёмных (643 человека) и мобилизованных жителей Саратовской области (596 человек)¹⁴. Источником комплектования строительных батальонов являлись военнослужащие Красной Армии, вышедшие из окружения и прошедшие проверку в Камышинском фильтрационном лагере. Через него, по всей видимости, на стройку направлялись мобилизованные и отозванные с фронта советские немцы¹⁵.

Если на объектах Особстроа основной рабочей силой являлись заключённые (хотя доля вольнонаёмных к концу войны увеличилась за

счет освобожденных узников, а с 1943-1944 гг. к ним добавились мобилизованные крымские татары и военнопленные), то комплектование рабочей силой железнодорожных лагерей сразу осуществлялось за счет нескольких категорий работников, вовлеченных в трудовое принуждение государством. Согласно приказу Л.П. Берии от 22 февраля 1942 г., на строительство железной дороги Саратов-Сталинград в полном составе переводился Прикаспийский ИТЛ, заключённые которого работали на объектах ГУЛЖДС в Азербайджанской ССР¹⁶. Для обеспечения строительства Волжской рокады рабочей силой из Сталинградской области в марте 1942 г. НКВД получил рабочие батальоны НКО общей численностью 25 тыс. человек¹⁷.

В отличие от таких регионов, как Урал и Сибирь, в Поволжье не существовало разветвленной системы спецпоселков, обитатели которых могли пополнить, помимо заключённых, ряды «спецконтингента» на промышленных и подсобных предприятиях, строительстве, промыслах. Решение Сталина депортировать немцев Поволжья в Сибирь и Казахстан, оформленное как постановление Президиума Верховного Совета от 28 августа 1941 г. и последовавшее за ним постановление ГКО №1123 от 10 января 1942 г. «О порядке использования немцев-переселенцев призывного возраста от 17 до 50 лет»¹⁸, передавало в систему НКВД дополнительный «спецконтингент», который использовался на промышленных объектах наркомата, в том числе и в Поволжье, на строительстве северного участка Волжской магистрали – железнодорожной линии Свияжск-Ульяновск. Следует отметить, что депортация поволжских немцев повлияла на процесс организации железнодорожных лагерей при строительстве Волжской магистрали. Дома и другие хозяйственные постройки депортированных были использованы НКВД для размещения заключённых и других категорий работников в период строительства¹⁹. Самая большая группа мобилизованных немцев (к 1 августа 1942 г. – 23237 человек) была сосредоточена на строительстве северного участка Волжской магистрали в Волжском ИТЛ. Ещё 5521 человек этой категории содержались в Нижневолжском и Саратовском лагерях, объединенных в сентябре 1942 г. в Приволжский ИТЛ. Таким образом, к осени 1942 г. на железнодорожном строительстве НКВД в Поволжье работало около 29 тыс. советских немцев²⁰.

Несмотря на то, что в отличие от заключённых они не были ограничены в правах и формально не отбывали наказание, условия их жизни и труда были близки к заключённым, о чем свидетельствуют не только воспоминания узни-

ков лагерей²¹, но и документы НКВД. Среди них «временная инструкция о порядке охраны мобилизованных немцев, используемых на работах в лагерях и колониях НКВД СССР», утвержденная заместителем наркома внутренних дел С.Н. Кругловым 10 марта 1942 г.²². Согласно «инструкции», мобилизованные немцы фактически находились под стражей, поскольку охранялись не только в местах расквартирования, но и на пути передвижения к месту работы и обратно, а также непосредственно на производстве²³. Необходимо отметить, что в других регионах, например на Урале, трудмобилизованные немцы составляли более значительный контингент рабочей силы на объектах промышленного строительства и в других секторах экономики. Только в Свердловской области их численность в течение войны достигала 49 тыс. человек²⁴.

Ужесточение трудовой политики затронуло все категории населения. При помощи чрезвычайных мер государство принудительно направляло людские ресурсы на выполнение хозяйственных работ. Об этом свидетельствовало постановление правительства от 10 августа 1942 г. «О порядке привлечения граждан к трудовой повинности», согласно которому трудовая повинность объявлялась как обязательная мера по мобилизации населения на строительство оборонных и других объектов, заготовку топлива и т.д. на срок до 2 месяцев при 8-часовом рабочем дне для мужчин в возрасте 16-55 лет, женщин в возрасте 16-45 лет. Однако экстренная мобилизация на конкретные виды работ проводилась и ранее по постановлениям ГКО и региональных парторганов. Например, ещё в первой половине 1942 г. на строительство Волжской магистрали руководство Саратовской и Сталинградской областей должно было мобилизовать 10 тыс. местных жителей²⁵. Однако полностью рассчитывать на то, что партийные органы мобилизуют крестьян, не приходилось, поскольку в весенний период колхозы были заняты посевной кампанией. Тем не менее мобилизованные местные жители составили отдельную категорию рабочей силы, задействованной в системе НКВД на строительстве Волжской трассы на земляных работах и транспортировке подводами строительных материалов.

Мобилизационная политика СССР в годы войны, вовлекая в систему принудительного труда НКВД новые «контингенты», привела к неоднородности структуры трудовых ресурсов многих лагерно-производственных комплексов. Если до войны в Особстрое рабочая сила состояла в большинстве своем из заключённых и незначительного количества вольнонаемных (в основном из числа специалистов, административно-хозяйственного и обслуживающего пер-

сона), то к концу войны ситуация изменилась. Наряду с заключёнными, численность которых в 1942-1945 гг. неуклонно сокращалась, в данный лагерно-производственный комплекс НКВД перебрасывает и другие группы работников. В мае 1945 г. трудовые ресурсы Особстроа насчитывали 25 тыс. человек, из которых только 10 тыс. составляли заключённые. Остальные категории были представлены «спецконтингентом» мобилизованных. К ним относились и крымские татары, прибывшие в Куйбышевскую область в середине 1943 г. после проведения очередной сталинской депортации в количестве 1450 чел.; военнопленные венгерских и немецких армий общей численностью более 9 тыс. человек, направленные в течение 1944-1945 гг. на объекты нефтяной промышленности Особстроа НКВД²⁶. Оставшуюся группу работников представляли вольнонаемные строители. Наличие разных категорий подневольных работников расширяло базу трудовых ресурсов НКВД и свидетельствовало об укреплении системы внеэкономических инструментов управления ими. Война стала периодом дальнейшего ужесточения общего трудового законодательства и включения в систему принудительного труда новых «контингентов», чья свобода была ограничена чрезвычайными указами и постановлениями.

Для лагерно-производственных комплексов в Поволжье в военный период были характерны те же изменения, что и во всей лагерной системе НКВД. Это сокращение трудовых ресурсов по причине досрочного освобождения узников с последующей отправкой на фронт, а также вследствие смертности и истощения²⁷. Как известно, специальными указами Президиума Верховного Совета СССР от 12 июля и 24 ноября 1941 г. досрочному освобождению из лагерей и отправке на фронт подлежали осуждённые за прогулы, бытовые и незначительные должностные и хозяйственные преступления. За три военных года, с 1 июля 1941 г. по 1 апреля 1943 г., численность заключённых Безымянлага сократилась в 5,5 раза (с 91,2 тыс. до 16,4 тыс. чел.). В значительной степени это было связано с отрицательной динамикой движения «контингента», поскольку в связи с сокращением производственной программы уменьшение численности заключённых практически не восполнялось новыми этапами в течение 1942-1944 гг. Так, за период с 1 июля 1941 г. по 1 июля 1943 г. из Безымянлага убыло 110 тыс. чел. Большинство из них, 71 тыс. человек, были освобождены досрочно по указам 12 июля и 24 ноября 1941 г.²⁸ Сокращение лагерного населения Особстроа продолжалось на протяжении всей войны, но особенно интенсивно в течение января 1942 г. -

февраля 1943 г., в период завершения основных работ по авиакомплексу, когда численность «контингента» снизилась в 3,4 раза – с 78,8 тыс. до 23 тыс. человек²⁹. В период с 1 мая по 1 ноября 1943 г. «контингент» Безымянлага сократился с 16,8 тыс. до 6,1 тыс. человек. В связи с передачей Особстрою строительства объектов нефтяной промышленности в 1944 г. - первой половине 1945 г. количество заключённых в Безымянлаге незначительно увеличилось с 7,3 тыс. (данные на 1 мая 1944 г.) до 10,6 тыс. (1 мая 1945 г.). Однако в дальнейшем, до расформирования Безымянлага, численность его населения продолжала снижаться³⁰. Для восполнения потери рабочих рук Особстрой активно привлекал мобилизованных работников из гражданских наркоматов (рабочие строительных трестов наркоматов строительства и авиационной промышленности), а также колхозников из районов области, опираясь на специальные постановления ГКО, решения региональных партийных органов³¹. Именно благодаря привлечению мобилизованных работников, а также незначительному улучшению снабжения, медобслуживания заключённых и вольнонаемных в 1943 г. в Особстрое удалось добиться повышения норм выработки на строительномонтажных работах на 1 отработанный человеко-день до 40 руб. 40 коп. (118%). В то же время в отличие от общего повышения норм по производственным лагерям и колониям нормы выработки для заключённых Безымянлага были снижены в течение 1943 г. по сравнению с 1941 г. на 34%³² в связи с тяжелым физическим состоянием узников лагерей.

Благодаря введенной в научный оборот ещё в начале 1990-х гг. лагерной статистике и появлению большого массива научной литературы, посвященной изучению демографических показателей населения ГУЛАГа, установлено, что военное время, особенно конец 1941-1943 г., стало периодом наивысшей смертности и заболеваемости осуждённых в лагерях и колониях НКВД³³. Здесь следует подчеркнуть, что массовая гибель заключённых в поволжских лагерях во многом была обусловлена наивысшей эксплуатацией в период максимальных темпов проведения строительных работ. В Безымянлаге самый высокий уровень смертности пришелся на период наиболее интенсивного строительства авиазаводов перед их сдачей в эксплуатацию (ноябрь 1941 г. - январь 1942 г.), когда умерло 4732 человека. Всего за период с июня 1941 г. по июль 1943 г. в Безымянлаге Особстроа умерло 11165 заключённых³⁴. Ещё более высокая смертность наблюдалась в железнодорожных лагерях Поволжья. Только на строительстве железной дороги Саратов-Сталинград (южный участок

Волжской магистрали) в Приволжском ИТЛ и его предшественниках (Саратовском, Сталинградском, Нижневолжском ИТЛ) погибло с апреля 1942 г. по сентябрь 1943 г. 12972 человека, куда входили и заключённые, и строители рабочих батальонов, трудармейцы. Таким образом, только на южном участке Волжской магистрали, в железнодорожных лагерях, ежедневно погибало 24 человека³⁵. Динамика смертности в поволжских лагерях синхронно совпала с общей ситуацией в ГУЛАГе, где в 1941-1943 гг. погибло более 516 тыс. человек. Это было беспрецедентным за всю историю системы мест заключения в СССР³⁶. На III партконференции Особстроя, проходившей в ноябре 1942 г., начальник оперативного отдела Безымянлага Болотских признал, что вскоре Особстрой может остаться без рабочей силы³⁷. В записке, направленной в январе 1942 г. заместителю Наркома внутренних дел С.Н. Круглову, начальник Особстроя А.П. Лепилов просил в январе направить в Безымянлаг 20 тысяч узников, поскольку собственные трудовые ресурсы оказались исчерпанными³⁸.

В то же время, несмотря на столь удручающие показатели смертности в лагерных комплексах Поволжья, ситуация в других лагерях была еще хуже. Например, в течение 1942 г. в лесных лагерях умерло более 70 тысяч человек. Это составило почти 19% от всего состава заключённых, отбывавших там наказание³⁹. В воспоминаниях бывших заключённых, работавших на хозяйственных должностях, есть свидетельства того, что лагерная администрация оценивала ситуацию с физическим состоянием заключённых зимой 1941/1942 г. как катастрофическую, стараясь получить дополнительные фонды на продовольственное и вещевое обеспечение⁴⁰. В итоге Берия как глава НКВД обращался в правительство и Госплан с просьбой снизить производственные задания по своему ведомству на 1943 г. из-за недостатка рабочей силы (особенно по лесным лагерям)⁴¹.

Кризис системы мест заключения в 1941-1942 гг. сопровождался повсеместным сокращением продовольственного снабжения даже крупных ЛПК. Например, в Безымянлаге с июня 1941 г. по май 1942 г. дважды в сторону снижения менялись нормы питания⁴².

Скудный паек не компенсировал затраченных на производстве сил, а калорийность его по понятным причинам неуклонно снижалась. Если сопоставить по отдельным продуктам питание вольнонаемных работников предприятий оборонного строительства, металлургии, угледобывающей промышленности и других заводов, выполнявших оборонные заказы, и заключённых Безымянлага (в середине 1942 г.), снабжавших-

ся по «третьему котлу» (т.е. работающих на тяжелых работах и выполняющих производственные нормы на 100-125%), то заключённые, работавшие с высокими показателями на производстве, питались лучше вольнонаемных рабочих⁴³. Однако по «третьему котлу» снабжались в среднем за 1942-1945 гг. от 15 до 25% заключённых. Основная часть лагерников получала «второй котел» (выполнение нормы от 80 до 99% на тяжелых работах и на 100-125% на остальных работах)⁴⁴. В течение 1942 г. калорийность питания по всем нормам была снижена, но в наибольшей степени это было сделано по «второму котлу» – почти на 40% (с 2600 к/кал до 1735 к/кал)⁴⁵.

Следует отметить, что труд целой группы заключённых, работавших на руководящих должностях на производстве, оценивался даже ниже, чем труд рядовых рабочих, перевыполнявших норму выработки. Начальник цеха или мастер в промколонии получали независимо от выполнения плана 550 г хлеба в день. Недоразумение (по крайней мере формально) было устранено 13 марта 1943 г. распоряжением замнаркома внутренних дел Круглова, разрешавшего увеличить хлебную норму для указанной категории заключённых до 700 г при условии выполнения плана⁴⁶.

Роковую роль в увеличении числа умерших сыграли как объективные факторы (общее катастрофическое материальное положение большинства населения СССР в связи с военными лишениями, тяжелый характер работ), так и субъективные (элементарная некомпетентность лагерных и производственных руководителей). Следует согласиться с мнением тех историков, которые полагают, что руководители производственных подразделений были скорее «прагматиками, а не палачами», которые вынуждены были решать сложные задачи в военное время. При этом они хорошо понимали, что без минимальных хозяйственно-бытовых условий для работников решить производственные задачи будет невозможно⁴⁷.

Одним из ключевых показателей, свидетельствовавших о существенном сокращении трудовых ресурсов ГУЛАГа в годы войны, являлась статистика заключённых на производстве, как известно, проходившая в материалах ведомственной отчетности как группа «А». Именно максимальное вовлечение узников в производство (промышленные, добывающие, строительные, промысловые, сельскохозяйственные предприятия) становилось приоритетной задачей ГУЛАГа, позволяло лагерному начальству надеяться на достижение самоокупаемости мест заключения. В конечном итоге от осужденного тре-

бовалось своим трудом компенсировать не только расходы на содержание себя и тех, кто был нетрудоспособен (больные, истощенные, инвалиды), но и компенсировать затраты государства на лагерную службу, карательные и надзорные службы. Документы лагерей, а также мест заключения, входивших в систему территориальных управлений внутренних дел (ОИТК-УИТЛК УНКВД) в Поволжье, свидетельствуют о существенном сокращении именно той группы узников, которая была задействована на производстве. В Безымянлаге, например, за 4 месяца, с октября 1941 г. по январь 1942 г., численность заключённых на основном производстве Особстроя (гр. «А») снизилась в 2,1 раза. А общая численность контингента сократилась в 1,7 раза⁴⁸. На одном из участков южного крыла Волжской магистрали, железной дороги Саратов-Петров Вал, на 10 июля 1942 г. из 29,8 тыс. человек «лагерного контингента» к массовым работам пригодны были только 30%. Колонии и лагерные отделения НКВД в Татарской АССР также сетовали на недостаток рабочих, особенно в промышленности. Например, ИТК-5 в 1943 г. имела в наличии только 18,4% заключённых, которых можно было использовать на физических работах⁴⁹. В некоторых подразделениях (ОЛП-1, ИТК-2) только по официальным медицинским показаниям нетрудоспособными были признаны более 15% узников⁵⁰.

Таким образом, ориентация лагерных комплексов на выполнение производственных задач являлась устойчивой предпосылкой для усиления трудовой эксплуатации заключённых.

В целом по НКВД в 1942 г. доля трудоспособных заключённых, которых использовали на массовых работах, снизилась с 61 до 36%⁵¹. В течение второй половины 1942-1943 гг. в среднем от 50 до 60% заключённых имели те или иные ограничения, по которым их нельзя было использовать на работах с тяжелым физическим трудом. В Безымянлаге в отдельные месяцы категория нетрудоспособных и инвалидов среди заключённых достигала более 20%.⁵² Несмотря на это большая часть узников привлекалась к труду на производстве. Формально основания для этого имелись. Директивными указаниями НКВД разрешалось использовать узников с ограниченной трудоспособностью на тяжелых работах при сокращении рабочей смены и нормы выработки.

В целом по ГУЛАГу в 1943 г. доля заключённых, задействованных на основном производстве (гр. «А»), достигла планового уровня – 76,4% против 74,2% в 1942 г. Достичь этого, по собственному признанию администрации главка, удалось, привлекая к работе инвалидов и ослабленных заключённых. Подобная практика,

судя по ведомственным документам, была распространена в лагерной системе повсеместно. На такие действия лагерное начальство подталкивало стремление сократить расходы на содержание узников и обеспечить самокупаемость системы мест заключения. В своих отчетах в Москву руководству ГУЛЖДС представители администрации Волжского ИТЛ подчеркивали, что людей с ограниченной трудоспособностью использовали в сельском хозяйстве на подсобных работах. Имеющаяся статистика обеспеченности рабочей силой строительных и подсобных работ Волжлага («группа А») на 1 квартал 1943 г. свидетельствует о том, что наличие работников в производственном секторе составило 129% к плану. Следовательно, часть нетрудоспособных людей все равно отправляли на тяжелые строительные работы⁵³. Руководство УИТЛиК УНКВД Саратовской области в одном из отчетов в 1944 г. в ГУЛАГ поставило в заслугу администрации ИТК-7 использование на производстве «забалансового инвалидного контингента, который раньше содержался за счет государственного бюджета»⁵⁴.

Однако стремление вовлечь ослабленных и инвалидов в производственный процесс и решить вопрос с самокупаемостью мест заключения банально приводило к массовым нарушениям даже внутриведомственных инструкций. Один из сотрудников санитарного отдела УИТЛиК НКВД Татарской АССР на партийной конференции в 1943 г. приводил примеры таких нарушений: «Возьмем ИТК-1. Целый ряд фактов, когда люди прибывали из тюрем в ослабленном состоянии, и их тут же бросали на физические работы. В результате – больница и смерть <...>. В ИТК-7 прибывший ослабленный контингент был поставлен на тяжелые физические работы»⁵⁵.

Произносившиеся на собраниях слова критики в адрес исполнителей на местах, нарушавших трудовой распорядок, несли определенный элемент лукавства со стороны руководства лагерных подразделений, представители которых, к примеру, издавали специальные распоряжения, запрещающие уводить заключённых в зону со строительных объектов, если они не выполнили дневное задание. Очевидно, что на такие действия они получали санкцию вышестоящего руководства. По крайней мере в Саратовском ИТЛ некоторые начальники ссылались на устное указание руководителя лагеря Барабанова⁵⁶. К концу 1942 г. из 44,6 тысячи человек, входивших в состав рабочих Приволжлага, в подчинении администрации которого были как заключённые, так и трудмобилизованные, почти 50% составляли нетрудоспособные⁵⁷.

Стремительное сокращение работников в

производственном секторе наблюдалось по всем хозяйственным главам НКВД – с 75,3% до 65,9% от всех заключённых только в течение ноября-декабря. По такому крупному хозяйственному главе, как Главпромстрой, этот показатель снизился в декабре 1941 г. до 57%. Поскольку из центра требовали, чтобы группа неработающих не превышала 20%, в практику работы лагерей основательно вошло стремление включать в число работников на производстве тех заключённых, которые не имели физических возможностей выполнять тяжелую работу⁵⁸. Уже к концу 1941 г. в ГУЛАГе на производстве использовалось на 15-20% меньше узников, чем до войны.

Как известно, в отчетно-информационных документах как центрального аппарата ГУЛАГа, так и его территориальных подразделений довольно часто указывали на то обстоятельство, что на увеличение группы нетрудоспособного «контингента» влияют новые этапы с лагерным пополнением. По сохранившимся лагерным финансовым отчетам на трудовые показатели заключённых влияла интенсивность притока новых узников. Механизм переброски целых лагерей в системе НКВД на большие расстояния к началу войны был отлажен, однако условия этапирования были настолько тяжёлыми, что приводили к потере трудоспособности вновь прибывших осуждённых. Данное обстоятельство, к неудовольствию лагерной администрации, увеличивало расходы на карантин и восстановление этапированных заключённых и «портило» отчетность перед Москвой.

Массовая гибель и истощение узников в период этапирования на тот или иной объект лагерной экономики сводили на нет так называемые преимущества в мобильности трудовых ресурсов ГУЛАГа. И здесь негативную роль играли факторы внутреннего порядка: нераспорядительность и плохая организация в перевозках «контингента»; стремление руководителей лагерей и колоний по-своему трактовать директивы наркомата, отправляя в другие лагеря инвалидов, больных и истощенных, хотя в Москве требовали трудоспособную рабочую силу. В приказе НКВД от 8 декабря 1941 г. «Об упорядочении этапирования заключённых» отмечались факты, свидетельствующие о том, что местная лагерная бюрократия могла саботировать распоряжения из центра, формально отчитываясь в их соблюдении. Руководство Вытегорского ИТЛ отправило в Омскую область этап, в котором в пути умерло 15% заключённых, остальные были истощены. Из Прикаспийского ИТЛ на строительство дороги в г. Горький прибыл этап, в котором 42% оказались больными или тяжело больными. По спецзаданию ГУЛАГа для строи-

тельства оборонного завода в Челябинске из Армении был направлен этап. Во время пути погибло 8% заключённых, а 22,5% были крайне истощены, обморожены и не могли передвигаться без посторонней помощи⁵⁹.

Немаловажно отметить, что те заключённые, которые были осуждены по «контрреволюционным» статьям и поступали в лагеря и колонии после проведения «специальных следственных мероприятий», находились в особой группе риска в связи с потерей трудоспособности. Поскольку «принимать на баланс» очередную группу нетрудоспособных означало увеличение лагерных расходов, администрация мест заключения старалась подчеркнуть это обстоятельство как факт, отягощающий хозяйственную деятельность лагерей и колоний, при этом их начальство допускало и неосторожные откровения о действиях следственных органов. Так, начальник одной из колоний УИТЛиК НКВД Татарской АССР Крылов на партсобрании отметил, что весь поступивший в течение 1944 г. в колонию «контрреволюционный элемент прошёл нужную школу следственной обработки и пришёл сильно ослабленным». За такое откровение начальник колонии тут же был отчитан министром внутренних дел Татарской АССР П.Н. Горбулиным: «Это, по меньшей мере, политическое недопонимание, товарищ Крылов. Почему он так говорит о школе следствия? Советская разведка имеет школу партии. Никакой иной школы у советской разведки не было, нет и не будет. Вы говорите о школе, приводящей к 50% повального лежания. Надо думать, о чём вы говорите. Вы человек взрослый, занимаете ответственное положение, и вам непростительно говорить такие вещи»⁶⁰.

В связи с начавшейся войной трудовая нагрузка на «контингент» ГУЛАГа, как и на остальное население СССР, существенно возросла. Рабочий день на производстве был увеличен до 12 часов, а администрация лагерных управлений и УИТЛК-ОИТК территориальных УНКВД могла добавлять к рабочей смене дополнительные часы, если это оправдывалось особыми обстоятельствами (срочностью и важностью задания, приближающимся сроком пуска того или иного объекта в эксплуатацию и т.д.). На строительстве авиазаводов приказом начальника Особстроя 23 июня 1941 г. рабочий день длился 11 часов. А уже 5 июля он был увеличен до 12 часов⁶¹. Если планом предусматривалось выделение для заключённых, работавших на производстве (группа «А»), на отдых 9% от всего количества человеко-дней этой группы, то в действительности этот показатель составил 5,5%⁶². Если же сопоставить баланс свободного времени вольнонаемных строителей Особстроя и зак-

люченных, оказывается, что тем, кто находился за колючей проволокой, времени на отдых полагалось втрое меньше⁶³.

Удлинение рабочей смены в лагерях и колониях привело к столь широкой практике применения сверхурочных (в военный период все плановые задания были напряженными), что норматив 12-часовой рабочей смены нарушался регулярно. Это вынуждены были признавать в самом наркомате. 10 марта 1942 г. заместитель наркома внутренних дел С.Н. Круглов в своей директиве отмечал грубые нарушения со стороны начальников лагерей и колоний приказа НКВД от 8 декабря 1941 года и неоднократных указаний ГУЛАГа о 8-часовой продолжительности сна заключённых, который в действительности составлял 4-5 часов⁶⁴.

В действительности призывы из Москвы не изнурять «контингент» трудом до истощения на местах не могли быть исполнены, так как требования выполнить производственный план оставались ключевым приоритетом для лагерно-производственного комплекса. Усиливая трудовую нагрузку на «лагерный контингент», в НКВД столкнулись с проблемой контроля за исполнением такого рода решений вольнонаемным инженерно-техническим и лагерным персоналом хозяйственных управлений⁶⁵. Именно такое препятствие выявили инспекционные проверки, проведенные в Особстрое осенью 1941 г., после которых 13 октября вышел приказ начальника строительства А.П. Лепилова с призывом «всем командирам быть на посту, не уходить под прикрытия, не дезертировать, а наоборот, личным примером являть образцы преодоления трудностей»⁶⁶.

Применение трудового «штурма» на строительстве авиакомплекса и железных дорог в Куйбышевской, Саратовской, Ульяновской, Сталинградской областях и Татарской АССР свидетельствует как о трудовом героизме вольнонаемных работников и заключённых, так и крайней степени эксплуатации подневольного контингента, как осуждённых, так и мобилизованных. Например, за 10 дней до окончания срока сдачи авиазаводов (1 января 1942 г.) по Особстрою была объявлена «сталинская вахта», что означало фактически ненормированный рабочий день⁶⁷. В декабре 1941 г. на одном из закрытых совещаний в Безымянлаге начальник оперативного отдела Чередниченко заявил о «садистских проявлениях в отношении заключённых, бездушном, а в ряде случаев прямо издевательском отношении к заключённым со стороны руководящих работников лагерных подразделений»⁶⁸. Материалы переписки оперативно-чекистского отдела Безымянлага с лагерным руководством свидетельствовали о вопиющих случаях произвола,

варварской эксплуатации узников, приводивших к их гибели⁶⁹.

В то же время в верхних эшелонах гулаговской бюрократии и среди руководства лагерных управлений наблюдалось стремление более рационально подойти к оценке жизни людей за колючей проволокой, хотя бы исходя из прагматических соображений. Собственно к этому призывали и руководители санитарных служб, о чем свидетельствуют достаточно типичные приказы, характерные для каждого лагеря, по улучшению «физического состояния», «укреплению трудоспособности» осуждённых, а также критика ошибок исполнителей на партсоборованиях. По словам начальника санитарного отдела УИТЛК УНКВД Татарской АССР Менделевича, рост смертности и заболеваемости заключённых на территории республики объяснялся тем, что, «имея людские резервы тысячами, руководители подразделений забывают одного человека. Это слишком расточительно. Десятки примеров отношения к заключённым, которые не укладываются в разумные представления»⁷⁰. Один из сотрудников санитарного отдела Саратовского ИТЛ на заседании лагерного партхозактива в 1942 г. отмечал: «Из лагерных подразделений в лазарет уже посылают только мертвецов. Такое положение может быть только от хамского отношения к людям»⁷¹. На одном из совещаний в январе 1942 г. начальник санитарной части 4-го района Особстроя Кривенко, говоря о положении заключённых Безымянлага, отметил, что многие истощенные «находятся в безнадежном состоянии, и мы вряд ли их можем воскресить»⁷². Хлынувшая в центральный аппарат НКВД тревожная статистика, «сигналы» со стороны оперативных отделов стали причиной организованных ГУЛАГом в конце 1941 г. - начале 1942 г. проверок, которые подтверждали факты, именуемые на ведомственном языке «искривлениями исправительно-трудовой политики»⁷³.

Выполнение производственных планов в лагерях и колониях в период войны сопровождалось «перемалыванием» человеческих ресурсов. Анализ материалов хозяйственных совещаний подразделений НКВД на местах свидетельствует о том, что, критикуя издержки своей работы, местное начальство расценивало это как отдельные ошибки в управлении, а не как системную проблему. Заместитель начальника УИТЛиК НКВД Татарской республики Алеткин на собрании партийно-хозяйственного актива управления в 1944 г. критиковал своих подчинённых: «Возьмём роль начальника в лагерных делах. Он должен возглавить всю жизнь лагеря. А мы имеем безответственное отношение начальников колоний и лагерей к сохранению рабочего фон-

да. В 1943 г. имели колоссальное количество заболеваний и смертей. В этом виноваты вы, начальники колоний и лагерей»⁷⁴.

О том, что производственные вопросы заслонили лагерные проблемы, говорил на партконференции УИТЛК НКВД Татарской АССР в 1944 г. и нарком внутренних дел Татарской автономной республики П.Н. Горбулин: «Просьба начальника санотдела сказать мне цифру смертности заключённых за 1943 г. <...>. Она исчисляется в 5000 человек <...>. Эти цифры должны задеть за живое каждого делегата <...>. Задание ГКО выполнено. Но мы не имеем права так расточительно подходить к кадрам, так грабить, как мы с вами делаем... Нет, товарищи! УИТЛК призвано, с одной стороны, изолировать преступников, с другой, заставить их работать на благо родины. Но партия никогда не говорила, чтобы мы так расточительно их тратили. Не по партийному поступаем»⁷⁵. Такого же мнения придерживался и руководитель УИТЛК УНКВД по Саратовской области подполковник Копяев, выступая на партконференции управления в 1944 г.⁷⁶

Содержание лагерных отчетов в период 1943-1945 гг. свидетельствовало об улучшении положения с продовольственным обеспечением «контингента» и ростом трудовых ресурсов, сокращением числа больных и инвалидов. Но, как известно, лагерная администрация старалась в этом вопросе подправить отчетность, прося ГУЛАГ выслать из лагерей в колонии «на выпуск ширпотреба» инвалидов, сократив тем самым лагерные расходы. Сохранившиеся материалы переписки руководства Особстроя с НКВД позволяют говорить о том, что лагеря периодически лоббировали свои интересы в ГУЛАГе, стараясь получить разрешение на «вывоз» инвалидов в другие места заключения. В 1942 г. начальник Особстроя Лепилов обращался в центральный аппарат с просьбой санкционировать «списание трудового фонда в другие исправительные учреждения». Его предложение было услышано. В течение года с мая 1942 г. по май 1943 г. Особстрой фактически «списал» 7,5 тыс. страдающих дистрофией и инвалидов, передав их в исправительно-трудовые колонии Куйбышевской области⁷⁷.

Риторика лагерных отчетов, совещаний актива лагерей и строительств даёт возможность увидеть хозяйственный подход к оценке пребывания осуждённых в местах лишения свободы и стремление рассматривать их с точки зрения способности выполнять производственные нормы и окупать своё содержание. Отсюда и регулярные жалобы на «бандитствующий» и «контрреволюционный элемент», «безнадежно больных», о вывозе которых так ходатайствовали представители лагерной администрации на ме-

стах. Желание освободить производственные структуры НКВД от обременительного «балласта» встречало понимание центра, куда стекались обращения подобного рода. Такое единодушие было связано с тем, что содержание нетрудоспособных узников затрудняло достижение самокупаемости лагерей и колоний и противоречило экономическому предназначению ЛПК. На совещании у заместителя наркома внутренних дел С.Н. Круглова 10 сентября 1943 г. начальник ГУЛАГа В.Г. Наседкин выступил с предложением «освободиться от всей ненужной части заключённых, содержащихся в лагерях, – инвалидов, больных, ослабленных, то есть тех, которые пользы никакой не приносят. Таким образом, в лагерях тогда останется трудоспособная часть»⁷⁸. По его оценке, таких насчитывалось 200-250 тысяч человек. Таким образом, хозяйственные задачи могли по необходимости занимать более приоритетное место по сравнению с задачами соблюдения режима изоляции осуждённых.

В целом решения, которые предпринимает руководство НКВД, свидетельствуют о попытке «усидеть на двух стульях». С одной стороны, поддерживать высокий уровень эксплуатации «контингента» при сокращении пищевого рациона до физиологического минимума, снижении медицинского обслуживания, вещевого довольствия, ухудшении бытовых условий, а с другой – пытаться «косметическими» мерами сохранить так называемый «трудовой фонд» в работоспособном состоянии. Об этом свидетельствуют решения, принимавшиеся в центральном руководстве НКВД, которые рассылались для немедленного исполнения на места. В июле 1942 г. рабочий день до 11 часов был увеличен для осуждённых, содержащихся в подведомственных ГУЛАГу местах заключения. Прежде всего в исправительно-трудовых колониях, отдельных лагерных пунктах⁷⁹. В то же время, в 1942-1944 гг., выходит несколько приказов с директивами к начальникам лагерей истроек, УИТЛК-ОИТК с требованием принять меры к «дальнейшему улучшению физического состояния заключённых». В марте 1942 г. приказ НКВД обязал начальников лагерей и колоний организовать «оздоровительно-профилактические пункты» для истощенных узников⁸⁰. В январе 1943 г. центр требует от администрации мест заключения соблюдать установленные нормы для «сохранения и улучшения физического состояния заключённых»⁸¹. В сентябре 1943 г. в лагеря и колонии поступает директива о создании «оздоровительных пунктов» для передовиков производства⁸². В 1944 г. Берия в который раз призвал начальство лагерно-производственных комплексов и администрацию территориальных управлений и

отделов исправительно-трудовых учреждений обеспечить необходимые условия для осуждённых⁸³. Постоянные призывы из Москвы соблюдать «установленные нормы и правила» со стандартным набором предупреждений о персональной ответственности виновных свидетельствовали как об определенном прагматизме (сохранить «трудо-вой фонд» ГУЛАГа), так и попытках с разной долей успеха добиться от исполнителей на местах выполнения директив наркомата, которые не исполнялись⁸⁴. В условиях военного времени руководство лагерно-производственных комплексов старалось использовать возможности «прикрепления» к рабочему месту освобождавшихся заключённых, что можно рассматривать, как одну из попыток компенсировать сокращение «трудо-вого фонда» лагерей. В начале января 1942 г. начальник Особстроа в письме замнаркома внутренних дел С.Н. Круглову посчитал несправедливым тот факт, что отбывшие срок заключённые, имевшие строительные специальности, передавались для работы в Наркомат авиапромышленности или призывались на фронт. Лепилов просил 3,5 тыс. вышедших на свободу заключённых оставить на строительстве, освободить от военной службы и дать прописку на Безымянке. Рассмотрев ходатайство, в НКВД нашли «компромиссное» решение, позволив Особстрою оставить 1-2 тысячи человек, остальных передать Наркомату авиапрома⁸⁵. По отдельным объектам лагерной экономики, имевшим важное хозяйственное значение, принимались специальные постановления ГКО, освобождавшие заключённых от мобилизации на фронт. Это касалось не только Поволжья. Например, в связи с завершающими работами по одному из гидроагрегатов Рыбинской ГЭС постановлением ГКО от 15 августа 1944 г. предписывалось «освободить от призыва в Красную Армию заключённых, освобождающихся из Рыбинского ИТЛ с отбытием срока наказания, а также по решению Президиума Верховного Совета СССР в порядке помилования и частичной амнистии, и закрепить всех освобождающихся заключённых на работах Волгостроя»⁸⁶. Аналогичные постановления были приняты в сентябре 1943 г. по Уралу в отношении узников Челябинского ИТЛ, строивших металлургический завод, и Тагиллага, строивших Ново-Тагильский металлургический комбинат⁸⁷.

В то же время, следуя уже устоявшейся практике, производственные лагеря «разгружали» от уголовников, присутствие которых отрицательно сказывалось на дисциплине, что подтверждают соответствующие запросы лагерной администрации в ГУЛАГ⁸⁸. Такие просьбы часто удовлетворялись, и «бандитству-

ющий элемент» направлялся далее на восток, в отдаленные лагеря⁸⁹.

Ситуация, сложившаяся в ГУЛАГе в годы войны в целом, и в поволжских лагерях в частности, говорит о серьезном сокращении трудового потенциала НКВД в хозяйстве страны, как в связи с объективными условиями (военные лишения), так и в связи с внутренними проблемами. Возможность для расширения эксплуатации наталкивалась на предел физических возможностей осуждённых. Это, по мнению исследователей, поставило под вопрос экономическую состоятельность ГУЛАГа⁹⁰.

Анализ доступных архивных материалов и исследований позволяет говорить о том, что «балансирование» между поощрением и принуждением, которое старалось соблюдать руководство ГУЛАГа, решало только общую задачу привлечения к труду без каких бы то ни было запросов на высокие трудовые показатели. Главное заключалось в том, чтобы привлекать как можно больше заключённых в производственный сектор, сохраняя необходимый для этого минимум продовольственного снабжения и бытовых условий. Однако социальная катастрофа, которую пережила страна в годы Великой Отечественной войны, усложняла эту задачу.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цепкалова А.А. Трудовые ресурсы на объектах строительства ГУЛАГА: характеристика спецконтингента Челябинского государственного университета. 2011. №12 (227). История. Вып.45. С.90-98; Маменкова Е.С. Заключенные исправительно-трудовых учреждений – трудовой ресурс НКВД СССР. В Красноярском крае в 1941-1945 гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2013.

² Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф.-Р 9414. Оп.1. Д.1181. Л.15.

³ Земсков В.Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. №6. С.11.

⁴ Подсчитано по материалам: Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф.82. Оп.2. Д.901. Л.73; Самарский областной государственный архив социально-политической истории (далее – СОГАСПИ). Ф.1817. Оп.1. Д.173. Л.3; Д.250. Л.4; Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф.-Р. 2064. Оп.2с. Д.34. Л.1-7; Д.203. Л.76. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: собрание документов в 7 т.: Т.3. Экономика ГУЛАГа / Отв. ред. и сост. О.В. Хлевнюк. М.: РОССПЭН, 2004. С.192, 200, 222; Иванова Г.М. История ГУЛАГа, 1918-1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М.: Наука, 2006. С.246.

⁵ Подсчитано автором по материалам: ЦГАСО. Ф.-Р 2064. Оп.2. Д.198. Л.20, 24, 39, 40, 78, 94, 106, 115, 123, 131, 149. Данные по Безымянскому ИТЛ приводятся на 1 мая 1941 г. и 1 апреля 1943 г.

⁶ Земсков В.Н. ГУЛАГ (историко-социологический ас-

- пект) // Социологические исследования. 1991. №6. С.14.
- ⁷ ЦГАСО. Ф.-Р 2064. Оп.1. Д.29. Л.24. Оп.2. Д.12. Л.122.
- ⁸ ГАРФ. Ф. 9414. Оп.1. Д.379. Л.22, 36. Данные на 15 апреля и 15 мая 1942 г.
- ⁹ Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф.3198. Оп.1. Д.4. Л.34.
- ¹⁰ Система исправительно-трудовых лагерей. Режим доступа: <http://www.memo.ru/history/NKVD/GULAG/r3/r3-281.htm>. Дата посещения: 16.11.2013.
- ¹¹ По мнению исследователей, изучавших различные формы трудовой мобилизации, термин «трудовая армия» в годы войны не был отражен в нормативных документах, а употреблялся для обозначения военизированных рабочих формирований, функционировавших в промышленности и на транспорте в 1941-1945 гг. (*Курочкин А.Н.* «Трудармия»: историография и источники. // Российские немцы. Историография и источниковедение. М.: Готика, 1997. С.126). Историк Г.А. Гончаров в докторской диссертации, посвященной анализу «Трудовой армии», справедливо полагает, что понятие «мобилизованные немцы», составлявшие основу «Трудовой армии», является собирательным, включавшим в себя всех «трудармейцев», кто по национальности принадлежал к странам, воевавшим с СССР (*Гончаров Г.А.* Трудовая армия на Урале в годы Великой Отечественной войны. Автореф. ... дисс. докт. ист. наук. Челябинск, 2006. С.6).
- ¹² Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923-1960: Справочник / Общество «Мемориал». Гос. архив Российской Федерации. Сост. М.Б. Смирнов. Под ред. Н.Г. Охотина, А.Б. Рогинского. М., 1998. Режим доступа: <http://www.memo.ru/history/NKVD/GULAG/r3/r3-61.htm>. Дата посещения – 16.11.2013.
- ¹³ ГАНИСО. Ф.3198. Оп.1. Д.20. Л.9. Данные о численности работников Волжлага в квартальной динамике: Архив ГУ МВД России по Саратовской области. Оп.1. Д.9. Л. 127об.
- ¹⁴ Архив ГУ МВД России по Саратовской области Ф. 65-Л. Оп.1. Д.22. Л. 1. Ф.63л. Оп.1. Д.9. Л.127об.
- ¹⁵ Как отмечает волгоградский историк Н. Болотов, в Камышинском ПФЛ, организованном в июле 1942 г., могло содержаться 2200 человек (*Болотов Н.* Победная рокада Сталинграда // Международная заочная конференция «Маршал Василевский и его вклад в Победу». Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.marshals-victory.senat.org/amvasilevsky/stalingrad-rokada.html>. Дата посещения – 22.11.2013).
- ¹⁶ ГАРФ. Ф.-Р 9414. Оп.3. Д.32. Л.40.
- ¹⁷ Цит. по: *Солдатова О.Н.* Документы Филиала РГАНТД – свидетельство трудового подвига советского народа в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 // Вестник архивиста. 2011. №2 (114). С.61.
- ¹⁸ РГАСПИ. Ф.644. Оп.1. Д.19. Л.49-50.
- ¹⁹ *Болотов Н.* Победная рокада Сталинграда // Международная заочная конференция «Маршал Василевский и его вклад в Победу». Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.marshals-victory.senat.org/amvasilevsky/stalingrad-rokada.html>. Дата посещения – 22.11.2013.
- ²⁰ Подсчитано по материалам: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. Справочник. М., 1998. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.memo.ru/history/NKVD/GULAG/index.htm>. Дата посещения – 23.11.2013.
- ²¹ По свидетельству В.В. Зубчанинова, ученого-экономиста, отбывавшего срок в Воркутинском ИТЛ, охрана прибывших в лагерь немцев-трудармейцев была более тщательная, чем заключенных: «На Воркуту привезли немцев Поволжья. Они не считались заключенными: партийные оставались партийными, комсомольцы – комсомольцами, но их было приказано считать самыми опасными. Несмотря на их номинальную вольность, они были загнаны на самые отдаленные лагпункты под самую строжайшую охрану»: *Зубчанинов В.В.* Увиденное и пережитое. М.: РАН, Институт мировой экономики и международных отношений, 1995. С.129.
- ²² ГАРФ. Ф.-Р-9101. Оп.1а. Д.111. Л.69-72. Сама «временная инструкция» составлялась в управлении охраны и режима ГУЛАГа под руководством Г.П. Добрынина – начальника управления.
- ²³ ГАРФ. Ф.-Р-9101. Оп.1а. Д.111. Л.69.
- ²⁴ *Пажит Ю.Ю.* Заключенные, трудмобилизованные НКВД СССР и спецпоселенцы в Свердловской области в годы Великой Отечественной войны. Автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Екатеринбург, 2005. С.14.
- ²⁵ РГАСПИ. Ф.644. Оп.1. Д.21. Л.59.
- ²⁶ ЦГАСО. Ф.-Р. 2064. Оп.2. Д.124. Л.29-30.
- ²⁷ *Хлевнюк О.В.* Экономика ОГПУ-НКВД-МВД СССР в 1930-1953 гг.: масштабы, структура, тенденции развития / ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. С.72, 73.
- ²⁸ ЦГАСО. Ф.-Р. 2064. Д.198, 160. Оп.2. Д.203. Л.77, 78.
- ²⁹ Данные на 2 января 1942 г. и февраль 1943 г. (среднесписочное число за месяц) // ЦГАСО. Ф.-Р. 2064. Оп.2. Д.198. Л.78. Д.84. Л.27.
- ³⁰ ЦГАСО. Ф.-Р. 2064. Оп.2. Д.202. Л.12 об, 17, 29, 33; СОГАСПИ. Ф.1817. Оп.1. Д.47. Л.31. К 1 марта 1946 г. в Безымянлаге содержалось 5840 заключенных.
- ³¹ СОГАСПИ. Ф.1817. Оп.1. Д.120. Л.1, 2.
- ³² ЦГАСО. Ф.-Р. 2064. Оп.2. Д.75. Л.15.
- ³³ ГАРФ. Ф.-Р. 9414. Оп.1. Д.1181. Л.21; *Иванова Г.М.* ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. М., 1997. С.110.
- ³⁴ Подсчитано по материалам ЦГАСО Ф.-Р. 2064. Оп.2. Д.203. Л.78. Д.47. Л.80.
- ³⁵ *Опалев М.Н.* Вклад строителей железнодорожной магистрали в победу на Волге // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2010. №1 (5) С.107.
- ³⁶ *Земсков В.Н.* ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. №6. С.21.
- ³⁷ СОГАСПИ. Ф.1817. Оп.1. Д.99. Л.29.
- ³⁸ Из почти 80 тысяч узников только половина по заключению медкомиссий были способны выполнять норму выработки в полную рабочую смену, 1 тыс. человек официально признали инвалидами, и ещё 13 тыс. были истощены. По признанию самого Лепилова, эти люди уже не могли привлекаться к тяжелой работе, тем более с полной нагрузкой. Их стали объединять в так называемые команды временно нетрудоспособных (КВНТ) (ЦГАСО. Ф.-Р. 2064. Оп.2. Д.52. Л.4-6).
- ³⁹ ГАРФ. Ф.-Р. 9414. Оп.1. Д.1181. Л.21.
- ⁴⁰ По свидетельству В.В. Зубчанинова, на одном из совещаний, где обсуждался вопрос о массовом истощении и смертности в лагере, руководитель отдела снабжения в ответ на предложение обратиться за помощью в центр отметил, что в таком же положении находятся и многие другие места заключения, а лесные лагеря прямо вымирают (*Зубчанинов В. В.* Увиденное и пережитое. М., 1995. С.129).
- ⁴¹ Записка Л. Берии, направленная 11 мая 1943 г. заместителю Председателя СНК СССР В. Молотову с пред-

- ложением о корректировке плана НКВД на 1943 г. (Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф.4373. Оп.93. Д.810. Л.157-159.
- ⁴² ЦГАСО. Ф.-Р. 2064. Оп.1. Д.207. Л.855; Д.228. Л.9.
- ⁴³ Соотношение продовольственного обеспечения вольнонаемных и заключенных было следующим: хлеб – 800 г в сутки вольнонаемным и заключенным; жиры – вольнонаемным 400 г в месяц, заключенным – 450 г; крупы и макароны в сутки – 40 г вольнонаемным и 85 г заключенным; мясо и рыба в сутки – 60 г вольнонаемным и 135 г заключенным (Великая Отечественная война. 1941-1945. Военно-исторические очерки. Книга первая. Суровые испытания. М., 1998. С.418; ЦГАСО. Ф.-Р.2064. Оп.1. Д.228. Л.8-19).
- ⁴⁴ По этой норме узникам полагалось в сутки макаронных изделий и крупы – 75 г, мяса и рыбы – 115 г, жиров (в месяц) – 360 г, хлеба – 600 г.
- ⁴⁵ ЦГАСО. Ф.-Р. 2064. Оп.2. Д.84. Л.1; Д.47. Л.55.
- ⁴⁶ ГАРФ. Ф.-Р. 9414. Оп.1. Д.1994. Л.54.
- ⁴⁷ *Опалев М.Н.* Вклад строителей железнодорожной магистрали в победу на Волге // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2010. №1 (5). С.108.
- ⁴⁸ ЦГАСО. Ф.-Р. 2064. Оп.2. Д.21. Л.51; Д.60. Л.6, 17, 25, 38, 51, 64, 89; Д.86. Л.3, 12, 29, 30; Д.202. Л.77; Д.198. Л.20, 24, 39, 40, 78, 94, 106, 115, 123, 131, 149.
- ⁴⁹ Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (далее – ЦГАИПДРТ). Ф. 3799. Оп.2. Д.27. Л.52. ЦГАСО. Ф.-Р. 2064. Оп.1. Д.52. Л.4-6, 19-21; Оп.2. Д.198. Л.131.
- ⁵⁰ ГАРФ. Ф.-Р. 9414. Оп.1. Д.2005. Л.72об-78.
- ⁵¹ *Суслов А.Б.* Спецконтингент в Пермской области (1929-1953 гг.). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С.59.
- ⁵² ЦГАСО. Ф.-Р. 2064. Оп.2. Д.52. Л.58; Д.198. Л.50, 83, 106, 126, 135; Д.86. Л.12, 30.
- ⁵³ Архив ГУ МВД России по Саратовской области. Ф.63л. Оп.1. Д.9. Л.130.
- ⁵⁴ ГАНИСО. Ф.5588. Оп.1. Д.5. Л.34.
- ⁵⁵ ЦГАПИДРТ. Ф.3799. Оп.2. Д.27. Л.70; ГАНИСО. Ф.3198. Оп.1. Д.15. Л.24об-25.
- ⁵⁶ ГАНИСО. Ф.3198. Оп.1. Д.11. Л.34.
- ⁵⁷ Там же. Л.33.
- ⁵⁸ В ГУЛАГе признавали, что руководство лагерей, чтобы выполнить установленные стандарты по трудовому использованию, заставляет работать в производственном секторе до 50% ослабленных заключенных (ГАРФ. Ф.-Р. 9414. Оп.1. Д.1181. Л.15).
- ⁵⁹ ГАРФ. Ф.-Р. 9401. Оп.1а. Д.94. Л.123.
- ⁶⁰ ЦГАПИДРТ. Ф.3799. Оп.2. Д.25. Л.15.
- ⁶¹ ЦГАСО. Ф.-Р. 2064. Оп.1. Д.207. Л.802, 877.
- ⁶² Там же. Оп.2. Д.29. Л.24.
- ⁶³ Там же. Ф.-Р. 2064. Оп.2. Д.29. Л.24. Ресурс свободного времени по отношению к рабочей смене у вольнонаемных строителей Особстроя составлял по плану 16,5% от общего количества человеко-дней. Однако не стоит думать, что эта цифра выдерживалась, особенно в условиях военного времени. Безусловно, на отдых вольнонаемным оставалось не так много, если учесть так называемые «сталинские вахты», в ходе которых труд на строительстве вообще не был нормированным.
- ⁶⁴ Так, 7 октября 1941 г. НКВД издал специальный циркуляр №270, в котором давались пояснения относительно продолжительности рабочего дня в лагерях и колониях: «12-часовой рабочий день в лагерях и колониях сохраняется на осенне-зимний период в местах работ, где имеется освещение. По тем видам работ, где применить освещение невозможно, сократите рабочий день до 10 часов, либо установите продолжительность рабочего дня равную световому дню. В тех случаях, когда рабочий день в этих условиях будет составлять 8-9 часов – выходные дни отменяются» (*Кокурин А.И., Петров Н.В.* ГУЛАГ: структура и кадры // Свободная мысль. 2000. №6. С.116).
- ⁶⁵ Во время обхода 11 октября 1941 г. строительных площадок 1-го района А.П. Лепилов был удивлен тем, что в рабочее время из-за дождя весь руководящий административный и инженерно-технический персонал района и его подразделений, прорабы, начальники отрядов, вольнонаемные десятники отсутствовали на открытых местах производства, и, по его словам, «отсиживаясь в конторах и служебных помещениях», предоставив заключенных самим себе. Заключенные, воспользовавшись ситуацией, побросали инструмент и тоже укрылись в теплых помещениях (ЦГАСО. Ф.-Р. 2064. Оп.1. Д.210. Л.1157).
- ⁶⁶ ЦГАСО. Ф.-Р. 2064. Оп.1. Д.210. Л.1158.
- ⁶⁷ Согласно одному из отчетов КВО, в течение октября (1941 г.) «среди заключенных имело место стремление работать более установленного времени, но в связи с запрещением Начальника Управления строительства к развитию этого мероприятия, ослаблявшего рабочий контингент заключенных, это стремление не развивалось в широких масштабах». Получается, что заключенные сознательно шли на сверхурочные и сами доводили себя непосильной работой до истощения.
- ⁶⁸ СОГАСПИ. Ф.1817. Оп.1. Д.67. Л.20.
- ⁶⁹ Там же. Д.59. Л.61. В отчетах оперативно-чекистского отдела Безымянлага приводятся целые списки фактов гибели тяжелобольных заключенных на строительных работах (ЦГАСО. Ф.-Р. 2064. Оп.1. Д.225. Л.17).
- ⁷⁰ ЦГАПИДРТ. Ф.3799. Оп.2. Д.27. Л.69.
- ⁷¹ ГАНИСО. Ф.3198. Оп.1. Д.11. Л.33-34.
- ⁷² Там же. Д.47. Л.23.
- ⁷³ ГУЛАГ: Главное управление лагерей... С.503-504.
- ⁷⁴ ЦГАПИДРТ. Ф.3799. Оп.2. Д.27. Л.55-57.
- ⁷⁵ Там же. Л.87.
- ⁷⁶ ГАНИСО. Ф.5588. Оп.1. Д.5. Л.10.
- ⁷⁷ ЦГАСО. Ф.-Р. 2064. Оп.2. Д.57; Л.9, 10; Оп.1. Д.234; Л.9; Оп.2. Д.84; Л.25, 25об; ГАРФ. Ф.-Р. 9414. Оп.1. Д.61. Л.68-69.
- ⁷⁸ *Кокурин А.И., Петров Н.В.* ГУЛАГ: структура и кадры // Свободная мысль. 2000. №7. С.117.
- ⁷⁹ ГАРФ. Ф.-Р. 9401. Оп.1а. Д.128. Л.67.
- ⁸⁰ Там же. Д.116. Л.67-69. Требование к таким пунктам – заключенные от 14 дней до месяца не выводились на работы, имели более калорийное питание, продолжительное время для отдыха (10 часов на сон) и т.д.
- ⁸¹ ГАРФ. Ф.-Р. 9401. Оп.1а. Д.132. Л.23. Под «установленными нормами» подразумевался 8-часовой сон, предоставление выходных дней, трехразовое питание, перерывы на обогрев во время работ в холодное время года на открытом воздухе и т.д. // ГАРФ. Ф.-Р. 9401. Оп.1а. Д.132. Л.23.
- ⁸² Цит. по: *Суслов А.Б.* Спецконтингент в Пермской области (1929-1953 гг.). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С.61.
- ⁸³ ГАРФ. Ф.-Р. 9401. Оп.1а. Д.159. Л.231.
- ⁸⁴ Профессор Л.И. Бородин предложил весьма продуктивный, на наш взгляд, подход к анализу подобных сбоев в функционировании системы принудительного труда с точки зрения теории «принципал-агент». Как полагают историк, отношения «принципала» (высшее руководство страны и органов внутренних дел) и «агента» (лагерной администрации на местах) отражали конфликт

интересов. Так, например, если «центр» был заинтересован в поддержании заключенных в нормальной физической форме, позволявшей в полной мере использовать их труд, то лагерная администрация зачастую не проявляла такой заботы, игнорируя даже чисто прагматические соображения (*Бородкин Л.И.* «Вертикаль» управления ГУЛАГом: проблема «принципал-агент» // *История сталинизма: Принудительный труд в СССР. Экономика, политика, память.* М., 2013. С.25, 35).

⁸⁵ ЦГАСО. Ф.-Р 2064. Оп.2с. Д.52. Л.2; Д.83. Л.24.

⁸⁶ РГАСПИ. Ф.644. Оп.1. Д.29. Л.62, 70.

⁸⁷ Там же. Д.151. Л.34, 95.

⁸⁸ ЦГАСО. Ф.-Р. 2064. Оп.2с. Д.83. Там же. Л.125.

⁸⁹ *Кокурин А., Моруков Ю.* ГУЛАГ: структура и кадры // *Свободная мысль.* 2000. №7. С.112.

⁹⁰ *Суслов А.Б.* Спецконтингент в Пермской области (1929-1953 гг.). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С.59.

LABOR RESOURCES OF NKVD IN THE VOLGA REGION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

© 2014 A.V. Zakharchenko

Volga Branch of Institute of the Russian History of the Russian Academy of Sciences, Samara

The paper analyzes the changes that occurred during the Great Patriotic War in the camps of the NKVD in the Volga region. Special attention is paid to the labor policy in the camps caused by the reduction of the labour force.

Keywords: NKVD, Volga region, Great Patriotic War, prisoners, labour force.